

Тон жалобы заставил вену на лбу Чжэнь Цюна пульсировать, и он громко крикнул:

— Аньпин, принеси мой вонючий тофу! Сегодня я буду жарить его во дворе!

Ми Фу побледнел, быстро свернул свиток и, не попрощавшись, выбежал за дверь. Слуги Ми, смущенные, извинялись, собирали стол, стулья и письменные принадлежности и тоже удалились. Когда все ушли, Чжэнь Цюн вздохнул с облегчением. Слава его вонючему тофу — теперь он знает, как отпугивать нежелательных гостей.

Аньпин с немного странным выражением лица спросил:

— Даос, все еще нужен вонючий тофу?

Неудивительно, что молодой господин Ми боялся его как огня — вкус вонючего тофу действительно не для слабонервных.

Чжэнь Цюн фыркнул:

— Не нужно, на обед подойдет курица.

Вечером он договорился с Хань Мяо пойти на ночной рынок. Чжэнь Цюн заметил, что, возможно, из-за того, что он стал больше ходить, он действительно похудел и даже вырос на полдюйма. Хань Мяо теперь часто сопровождал его на прогулках, и они посетили несколько ночных рынков. Может быть, он снова начал к нему хорошо относиться?

Эта мысль наполнила Чжэнь Цюна энергией. Быстро пообедав, он заперся в алхимической лаборатории. Только когда солнце село, он вышел. Быстро умывшись и переодевшись в новую даосскую одежду, он с энтузиазмом побежал во внутренний двор. Хань Мяо, наверное, уже вернулся?

Аньпин что-то кричал сзади, но Чжэнь Цюн сделал вид, что не слышит, и ворвался в главный двор.

Однако, увидев, что там происходит, он остановился, и улыбка застыла на лице. Хань Мяо обнимал молодого человека, смеясь. Увидев Чжэнь Цюна, он, казалось, немного удивился и подошел:

— Аньпин тебе не сказал?

Что именно? Чжэнь Цюн был в замешательстве, глядя на незнакомца. Почему Хань Мяо держит его за руку?

Хань Мяо, заметив его взгляд, улыбнулся:

— Это мой старый друг Сунь Панминь, он только что прибыл в столицу. Сегодня вечером мы устроим ему встречу, так что, возможно, придется отменить нашу прогулку.

Он повернулся к тому человеку:

— Сяо И, это даос Чжэнь, мой благодетель.

Молодой человек улыбнулся и подошел:

— Если даос — благодетель Цзиншэна, то он и мой благодетель. Может, присоединитесь к нам

в заведении Жэнь выпить?

Хань Мяо нахмурился. Сунь Панминь был тем, кто не мог обходиться без женщин, и он не хотел, чтобы Чжэнь Цюн видел это.

Чжэнь Цюн, хотя и был ошеломлен, заметил этот жест и сразу сказал:

— Я просто хотел сказать, что сегодня устал и не хочу выходить!

Хань Мяо поднял бровь. Он разозлился? Да, он надел новую одежду, а теперь их планы сорваны. Но Сунь Панминь был слишком откровенным, и если он что-то заметит, это может напугать этого юношу.

Поэтому он улыбнулся:

— Тогда перенесем на другой день...

Неожиданно Сунь Панминь обнял его за плечи и хихикнул:

— В ближайшие дни это невозможно. Я заберу Хань на несколько ночей, чтобы мы могли веселиться и спать вместе.

Чжэнь Цюн нервно дернулся, развернулся и ушел. Хань Мяо с отвращением оттолкнул Сунь Панминя, но понимал, что сейчас не время бежать за ним. Он повернулся к Аньпину, который только что подошел:

— Как ты заботишься о даосе?

Аньпин был в замешательстве и чувствовал себя обиженным. Даос Чжэнь ушел так быстро, что он действительно не успел сообщить, что хозяин сегодня вечером занят. Но при посторонних он не мог оправдываться, только поклонился и поспешил за Чжэнь Цюном.

Сунь Панминь, наблюдая за этой сценой, удивленно поднял бровь:

— Ты действительно заботишься о том даосе.

Хань Мяо холодно усмехнулся:

— Я же сказал, он мой благодетель. Что ты еще хочешь?

Эта провокация была слишком явной, и Хань Мяо не верил, что это было просто шуткой.

Сунь Панминь хихикнул:

— Просто он симпатичный, вот я и пошутил. Не сердись.

Услышав это, Хань Мяо почувствовал что-то в груди. Чжэнь Цюн, хотя и не разбирался в светских делах, все же знал основы этикета. Разве что с Ми Фу, который сразу же вызывал неприязнь, он редко кого-то оскорблял. Но вчерашняя ситуация действительно была странной.

Неожиданно Сунь Панминь наклонился ближе и с любопытством спросил:

— Неужели ты действительно влюбился в того даоса?

Хань Мяо улыбнулся и схватил его за запястье:

— Разве мы не договорились пить до упаду? Сегодня я пожертвую собой ради тебя.

Сунь Панминь почувствовал, что попал в беду. Его способности к выпивке не шли ни в какое сравнение с Хань Мяо. Но тот уже тащил его за собой, не давая сопротивляться.

Тем временем, вернувшись в свой флигель, Чжэнь Цюн не остановился и вбежал в комнату, хлопнув дверью. Аньпин, едва успевший догнать, поспешно сказал:

— Даос, ты еще не ужинал. Что бы ты хотел?

— Я устал, не хочу есть!

Из комнаты раздался глухой крик, звучащий так, будто гнев еще не утих. Аньпин, ошеломленный, не осмелился беспокоить его дальше. Подумав, он принес немного закусок и напитков, поставил их на стол в соседней комнате и мягко сказал:

— Если проголодаешься, на столе есть еда...

Однако, прождав некоторое время, он не услышал ответа. Аньпин покачал головой и тихо вышел.

Лежа лицом вниз на кровати, Чжэнь Цюн думал только о том Сунь. Он был выше его, стройный, но не слабый. И они обращались друг к другу так тепло, даже говорили о том, чтобы спать вместе...

Хотя он не ел слив, Чжэнь Цюн чувствовал, что его рот наполнился кислотой, что раздражало. Переворачиваясь на кровати больше получаса, он наконец уткнулся лицом в мягкое одеяло. Завтра он посмотрит, может быть, он просто ошибся?

В элегантной комнате заведения Жэнь царил веселая атмосфера. Кто-то подносил вино, кто-то пел, кто-то играл на цитре. Окно было открыто, и можно было видеть длинный коридор, где сотни танцовщиц в ярких одеждах танцевали под легкую музыку, создавая картину, которая затмевала даже башню Фань.

Однако одна фигура явно не вписывалась в общую атмосферу. Хань Мяо, держа бокал, полулежал на кушетке, и даже женщина рядом с ним не решалась его беспокоить, только тихо наливала вино.

Возможно, его поведение раздражало, и кто-то бросил в него финик:

— Ты так встречаешь гостей?

Хань Мяо слегка наклонил голову, избегая финика, и спокойно сказал:

— Траур по отцу еще не закончен.

Эти слова заставили Сунь Панминя смутиться, и он выпрямился:

— Я не это имел в виду. Просто, вернувшись в столицу, я услышал кое-какие новости...

Увидев его необычно серьезное выражение, Хань Мяо поднял бровь. Сунь Панминь не стал тянуть, махнул рукой, чтобы женщины закрыли окно и вышли, и только тогда сказал:

— Твой парфюмерный магазин становится все более успешным, не так ли?

Ранее «Возвращение весны» только начинало набирать популярность в Восточной столице. Но когда «Летняя прохлада» была распродана за две недели, даже в управе Интянь узнали о чудесах «духов». Использовать духов было намного удобнее, чем благовония, и аромат был приятнее.

На рынке появились подделки, но они были либо слишком насыщенными, либо слишком слабыми, и никому не удавалось повторить успех парфюмерного магазина семьи Хань.

Когда прибыль велика, всегда найдутся те, кто захочет ею завладеть.

— Ты что-то услышал? — Хань Мяо тоже поставил бокал.

Его друг происходил из военной семьи. Хотя его должность была невысокой, и он страдал от дискриминации в пользу гражданских чиновников, его связи были обширными, особенно в Западной армии.

Сунь Панминь не ответил прямо, только окунул палец в вино и написал на столе один иероглиф.

«Гао».

Зрачки Хань Мяо сузились. Если Сунь Панминь так осторожничал, говоря о семье «Гао», то это могла быть только семья вдовствующей императрицы Гао. Ее прадед Гао Цюн был важным соратником Тай-цзуна и сыграл значительную роль в Чаньюаньском договоре. Его потомки также служили в армии, и семья была не менее влиятельной, чем Цао или Чжэ.

Если родственники императрицы действительно собирались действовать, неудивительно, что Сунь Панминь поспешил вернуться в столицу, чтобы предупредить его.

Однако, посмотрев на иероглиф, Хань Мяо стер его рукой. Сунь Панминь нахмурился:

— Ты не веришь?

— Не беспокойся, у меня есть план, — спокойно ответил Хань Мяо.

Сунь Панминь внимательно посмотрел на него, а затем расслабился и откинулся назад:

— Если ты так говоришь, то я больше не вмешиваюсь. Эй, пусть кто-нибудь сплет!

<http://bllate.org/book/16827/1547369>